

ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ БИНАРНОЙ ОППОЗИЦИИ «СВОЙ/ЧУЖОЙ» В РАЗНЫХ ПРОСТРАНСТВАХ РОМАНА Дж. ОЛДРИДЖА «ДИПЛОМАТ»

Сабина Авазжонова Махмудова
Преподаватель-ассистент кафедры
языков, Самаркандский государственный
медицинский университет, Самарканд, Узбекистан

Аннотация:

В статье рассматриваются вербальные и невербальные способы репрезентации бинарной оппозиции «свой/чужой» в различных ситуациях и разных пространствах (Москва-Курдистан-Лондон) романа Дж. Олдриджа «Дипломат». Обосновывается концептуальная парадигма, в результате чего анализируется репрезентация концептов на разных уровнях текста: сюжетно-композиционном и образном. К понятийной составляющей концептуальной оппозиции были определены ключевые слова-репрезентанты. Отмечается, что в концептуальной оппозиции заложен мощный субъективный заряд взаимоотношений героев и авторская модальность.

Ключевые слова: пространственная архитектура романа, бинарная оппозиция, художественный концепт, слова-репрезентанты, ситуации, модальность.

Многие исследователи считают бинарную оппозицию "свой – чужой" одной из наиболее фундаментальных проблем в истории человеческого мышления и ментальности. Данная проблема интересна культурологам, психологам, философам, социологам и, естественно, литературоведам. К понятиям «свой/чужой» применима и принадлежность героев к разным пространствам, в данном романе к пространствам Востока/Запада: «Пространственные характеристики воссоздаваемых в тексте событий преломляются сквозь призму восприятия автора (повествователя, персонажа)» (Николина, 2002:146). Концепт «чужой/свой» всегда определяет плоскость политического произведения. Индивидуально-авторское наполнение художественного концепта позволяет, как известно, определить мировоззрение конкретного писателя, степень его владения иной культурой, широту и определенность политических взглядов: «...художественный концепт рассматривается прежде всего как единица индивидуального, сознания, авторской концептосферы, вербализованной в едином тексте творчества писателя (что не исключает возможности эволюции концептуального содержания от одного периода творчества к другому)» (Тарасова, 2012:52).

В романе «Дипломат» Дж. Олдридж заложил тематическую и идеологическую основу противостояния героя-одиночки и мощной системы Империи, когда «свои» представляют государственный аппарат, а «чужие» осмеливаются иметь собственное мнение. Внутренние побуждения писателя и мотивы создания романа прослеживаются в четком противопоставлении концептов «свой и чужой»- в плане структуры романа (в

дискурсивном плане Запад/Восток), изменения пространства, создания ситуаций с героями различного статуса и представителями разных национальных сообществ. С позиций когнитивного литературоведения определяется художественный концепт Т.В. Васильевой: «...мы понимаем ментальное образование сознания писателя, реализующее свое смысловое значение в семантико-ассоциативном контексте литературного произведения. Художественный концепт находит свое вербальное выражение в художественном образе...(концепт) пронизывает всю структуру произведения...» (Васильева, 2012:52). Бинарная оппозиция «свой/чужой» определяет основной политический конфликт на уровне государств (Британия и СССР), на уровне экономических интересов (нефть), является результатом колониального отношения (Курдистан и британская нефтяная кампания), провоцирует скандал в парламенте Великобритании после письма Мак-Грегора в газету.

Роман Дж. Олдриджа «Дипломат» представляет собой сложное повествование в трех частях (отражающих пространство Москвы- Курдистана-Лондона). Авторское разделение героев композиционно заключено в двух частях: первая «Лорд Эссекс» (воссоздается как бы «индивидуальная оптика» лорда), вторая – «Мак-Грегор» (повествование имеет ощутимую фокализацию. И модальность данного героя). Ученые правомерно именуют концепт «сложным когнитивным лингво-социальным конструктом» или «многомерным мыслительным конструктом, отражающим процесс познания мира, результат человеческой деятельности, его опыт и знания о мире, хранящий информацию о нем» (Красавский, 2001:49). Данная концептуальная оппозиция «свой/чужой» является своеобразным стержнем, наподобие модели ДНК, которым центрирует почти каждую страницу в определенной тональности, эмотивности автора и героев.

Структура и система персонажей романа соответствуют данному противостоянию: лорд Эссекс - англичанин, дипломат, аристократ, 56 лет. Писатель подчеркивает самонадеянность героя, ощущение статусной роли в масштабной исторической миссии: «A great people, the English, but beware of the Essexes» (Aldridge, 1950:91). Его полный антипод Мак-Грегор - шотландец, ученый, 30 лет, родившийся и выросший в Иране в семье геолога (что значительно снижает его статус в миссии лорда).

Лорд Эссекс гордится своей родословной, своим аристократическим происхождением. Антитезой этому является история жизни Мак-Грегора, которая объясняет всю пропасть «культурной границы» между героями: «I had never been to England until he was seventeen, and he had enjoyed no preliminary life as an Englishman» (Aldridge, 1950:56). Более того, во время учебы в Лондоне он ощущает себя «чужим»: «The Royal College of Science he had been a foreigner». Героев объединяет общая миссия в Москве, которая их же постепенно разъединяет по идейным соображениям. Примечательно, что писатель с первых страниц романа подчеркивает, что дипломат вынужден терпеть «чужого» в своем «посольском» окружении только из-за его научной осведомленности в вопросах иранской нефти.

Конфликт внутри бинарной оппозиции «чужой/свой» развивается в романе в нескольких плоскостях (политической, социально-статусной, профессиональной, национальной, психологической, нравственной): «Данная оппозиция симиотична: она имеет разные уровни выражения...изучаемые понятия будучи социально обусловленными, по мере

освоением человеком мира, приобретают новые значения, расширяя свою понятийную сферу» (Матвейчева, 2015: 117). Согласно четкой архитектонике романа и авторской логике акценты внутри концептуальной оппозиции отчетливо меняются в каждой части романа. Поэтому представляется возможным указать значение «пространства», в котором развивается данное действие и подчеркнуть социальные статусы героев. В первой части романа «Лорд Эссекс» действие развивается в Москве, в посольстве Великобритании, в Кремлевских кабинетах. Это обстоятельство подчеркивает высокий статус дипломата Лорда Эссекса. «Своим» для него в первую очередь являются представители политической английской элиты. Писатель в многочисленных высказываниях лорда проводит «красной нитью», что в восприятии дипломата англичане – избранная имперская нация, поэтому основной сегмент концептуального поля «свой» в восприятии лорда Эссекса будет концепт «англичанин»: «We are the most civilized nation on earth». Именно с этих позиций дипломат оценивает даже высокопоставленную кремлевскую элиту.

Поскольку основная цель политической миссии лорда Эссекса — это имперская борьба за власть, которая выражается в дискредитации оппонентов, врагов, то есть «чужих» (СССР), то можно утверждать, что оппозиция «свой - чужой» является базовой для политической миссии в Москве. Это проявляется в диалоге с Вышинским, Молотовым и Сталиным. Дж. Олдридж в концептуальное поле «чужой» добавляет значение «враг» в речи Лорда Эссекса, который так понимает смысл своей миссии: «Now came this- the first of the new struggles with the Russians for world position» (Aldridge, 1950:113). В данной фразе подчеркнуто размежевание двух стран словом «борьба».

Политика СССР на Ближнем Востоке – «чуждая» интересам Британской Империи. Опытный дипломат лорд Эссекс использует привычные политические клише, двойной подтекст которых должен понять Сталин: «We regret it considerably because the situation in Iran is a deterrent to the friendly relations between the Soviet Union and Great Britain» (Aldridge, 1950:241). В Москве лорд Эссекс воспринимает и примеряет представителей русской политической элиты к стандарту «своего» - «английского» на нескольких уровнях. Поскольку концепт «чужой» включает в себя несколько маркеров (внешность и костюм, язык, пищевые пристрастия), то все они соотносятся с высокой планкой (оценкой человека- С.М.) для лорда Эссекса.

Дж. Олдридж в первой части романа как бы передает и сохраняет негативную модальность лорда Эссекса по отношению даже к высоко поставленным лицам иной национальности. Писатель рассматривает в различных дискурсах (в том числе посредством «внутреннего монолога»-С.М.) отражение психотипа Личности «стопроцентного англичанина» лорда Эссекса по отношению к остальному «второсортному миру»: «I don't care how peculiar they are» (Aldridge, 1950:269). Дж. Олдридж создает своего дипломата, принявшего раз и навсегда «стиль мышления и общения», соблюдения статусной дистанции с иными, представителями не такой престижной профессии и аристократического происхождения.

Можно воспользоваться термином этнологии для обозначения культурной дистанции между представителями разных народов – «этническая граница». Для раскрытия концепта

«чужой» с позиций лорда Эссекса важна трансформация термина с добавлением «идеологической, политической и социально-статусной границ», которыми Дж. Олдридж комплекзует его образ. Именно московская миссия лорда Эссекса расставляет акценты на концептах «свой/чужой», увеличивая пропасть между его позицией и ощущением Мак-Грегора. Дипломатический мир, который представлен «потомственными аристократами», психологически и социально чужд Мак-Грегору. Его чужеродность (восточность) и не соответствие статусному уровню (одежда, манера поведения, особенности общения) замечает Кэтрин Клайв: «You really don't know how much of Persian your MacGregor» (Aldridge, 1950:232).

Писатель постоянно употребляет в тексте такое разделительное понятие – «другой мир», что дает возможность переводчикам (И. Кашину и Е. Калашниковой), на наш взгляд, ситуативно точно использовать концепт «чужой»: «MacGregor understood that and nodded and smiled, when he had the chance realizing that this Katherine's world, but it was not his and never could be» (Aldridge, 1950:138). Отметим такой же прием в иной ситуации: «...but the two people behind him were not part of his world» (Aldridge, 1950:198). Причем, предельно редко концепт вербализован, что отражает индивидуально-авторское его «прочтение» Дж. Олдриджем.

Т.В. Алиева, анализируя концептуальную оппозицию «свой - чужой», пишет: «Для выяснения понятийной составляющей были определены ключевые слова-репрезентанты КО «свой – чужой»: “we”, “self”, “they”, “other”. В результате анализа их словарных дефиниций установлено, что центральными признаками в понятийной составляющей являются признаки «такой (такие), как я/мы» (“like myself / ourselves”) и «не такой (такие), как я/мы» (“unlike myself / ourselves”) (Алиева, 2013:13). Подчеркнем, что именно данные слова-репрезентанты являются маркерами, разделяющими мир Мак-Грегора и мир Эссекса. Таким образом, можно считать, что Дж. Олдридж ясно обозначил абрисы концептов «чужой и свой» в политической и социально-статусной плоскостях первой части романа, тем более что во второй части романа (путешествие в Курдистан) к пониманию «чужих» для лорда Эссекса прибавятся курды, иранцы и т.д.

Часть вторая - Курдистан («Мак-Грегор»). Дж. Олдридж всю квинтэссенцию имперского мышления, отстраненно «чужого» по отношению к «колонии», к ее «второсортному» народу выражает в утверждении, в негативной установке лорда Эссекса сразу по приезду в Иран: «They are too simple to do much about their poverty. They might be a little more civilized than the Arab, but they seem to be just as lazy, and as madly argumentative. Hopeless people» (Aldridge 1950:263). Примечательно, что в романе неоднократно подчеркивается незнание дипломатом страны, языка, ритуалов. Поэтому столько преступных ошибок, коммуникативных неудач, провал переговоров с Салимом допускает лорд Эссекс, дипломат, который «всегда побеждает». Писатель не разрушает логику характера лорда Эссекса даже в непривычной ситуации, лорд ведет себя, словно не замечая представителей другой культуры, их обычаев, как хозяин положения. Последствием такого преступного невежества, самоуверенности в «значимости» даже в провинции Ирана «слова английского дипломата» является трагическая расправа

губернатора с инженером Гочали. Данная ситуация необходима Дж. Олдриджу, чтобы подчеркнуть профессиональную способность Эссекса в «сохранении лица», умение не чувствовать себя виноватым, не признаваться в непонимании этнических тонкостей взаимоотношений в другой стране. «Профессионализм» убивает простой здравый смысл-проанализировать всесторонне незнакомую ситуацию, а не чувствовать себя непогрешимым англичанином. Данные поведенческие «погрешности» героя суммируются писателем на протяжении всего повествования в некий статусный комплекс представителя Империи в незнакомой ему стране. Дж. Олдридж создает объемные пространства Курдистана, величественные горы» степень заполняемости пространства» (Николина) высока разнообразна, но чужого в этой стране Эссекса волнуют только районы с нефтяными приисками.

Дж. Олдридж подчеркивает, что для Мак-Грегора, напротив, все, что связано горами, воспринимается эмоционально, а Иран является «домом». Концептуальное поле с ядром «свой» включает для Мак-Грегора понятие «дом», которое неоднократно повторяется в тексте: «He walked home». Более того, именно привычная восточная атмосфера дома старого ученого «провоцирует» в тексте такое признание скупого на эмоции героя. Доктор Ага выразит словами то, что закрепит своими реакциями и действиями вождь племени Мукри : «-I realize that I had forgotten you were English at all.

- Perhaps, I was an Englishman for a little while...» (Aldridge, 1950:286).

Создавая пространство Ирана и Курдистана, писатель как бы «вписывает» Мак-Грегора в родное, понятное и приятное пространство для жизни и работы; он любит горы, знает их, счастлив от ощущения горного воздуха: «It was luxury: a home - coming that began to satisfy him again» (Aldridge, 1950:309). Если Мак- Грегор в Курдистане ощущает себя своим, он вернулся на родину, домой; то Дж. Олдриджу важно подчеркнуть в поведении, восприятии восточного мира дипломатом только «синдром англичанина».

Отметим, что если в первой части романа, Дж. Олдридж создает статусные ситуации (Посольство, Кремль), в пространстве или интерьерах которых лорд Эссекс был социально среди «своих», то Курдистан снижает статус, делая его «чужим». Ряд ситуаций демонстрируют весь комплекс «чужого», из дипломата он просто превращается в пожилого человека. Его статус «посла», «дипломата» нивелируется непониманием обстановки, внешняя напыщенность воспринимается курдами как «капризы старика». К примеру, Дж. Олдриджу необходимы две ситуации в плену, чтобы показать разное восприятие и отношение курдов племени Мукри к двум героям.

1.Отточенная дипломатическая речь лорда Эссекса, направленная на группу живописно одетых курдов, в данной ситуации воспринимается как неуместные по интонации звуки чужой речи. Писатель создает ситуацию с закрепленной мизансценой, которая подчеркивает нелепость претензий лорда Эссекса: «... three Kurds who sat under a goatskin awning.

Where is your chief? - Essex was demanding of them in English» (Aldridge 1950:431).

В.Г. Зусман точно обобщил: «Диалектика «своего-чужого»/ «чужого-своего» проясняет представление о том, что нельзя свести друг с другом свою и чужую концептосферы». В горах требовать от стариков курдов знания английского языка, говорить с ними в

приказном тоне, нарушая всякий этикет и разрушая коммуникативный успех беседы, все это доказывает комплекс «чужого» и демонстрирует профессиональную деформацию лорда Эссекса. Реакцию раздраженных стариков Дж.Олдридж выражает в их словах, в жестах, в желании «спустить собак» на чужестранца. Ментальность курда подчеркивается фразой «... you would do better to show the strength of your silence». Простые курды воспринимают ораторствующего Эссекса как «невежду и чужестранца», нарушающего приличия коммуникации: «There is a man who is losing his dignity... *Ferangi*» (Aldridge, 1950:431). В Курдистане он «чужой» по всем параметрам, его прогоняют, вне всякого статуса, даже без уважения к человеку: «Go away. Go on».

Такая же деформация в плане национального превосходства англичан проявляется у лорда Эссекса в стране, которую он не знает, не понимает ментальности ее народов и языка. Писатель подчеркивает, как неуместно звучат постоянные упреки Мак-Грегору: «Remember, you are an Englishman» (Aldridge, 1950:329). «Англичанин» обязан быть превыше всех обстоятельств, как «исключительная личность», наделенная правом судить или миловать. Ситуация в Курдистане вызывает протест у Мак-Грегора, знающего, что необходимо принимать и как следовать ритуалам, манерам поведения курдов, чем навязывать собственные: «Remember you are an Englishman – not the submissive Oriental...At the moment I feel like an Oriental.» (Aldridge, 1950:430).

В этом заявлении не только реализация концептуальной оппозиции «свой/чужой» в плане локальном, но в широком, политическом, на уровне вмешательства имперской политики в дела Ирана и Курдистана. Представляется, что именно пребывание в плену у шейха Салима, позволяет писателю продемонстрировать всю семантическую палитру концептуальной оппозиции: «свой» - Мак-Грегор, «чужой» – лорд Эссекс. Комплекс политически «чужого» проявляется в высокомерии Эссекса по отношению всего народа, что является отражением имперских амбиций. Дж. Олдриджу необходимо столкновение интересов внутри концептуальной оппозиции не просто ученого и дипломата (это явно проявлялось в Москве- С.М.), но в Курдистане Мак-Грегор «модально свой», что дает ему право противостоять позиции Эссекса «по всем фронтам»: «His mind has been made up for him. He isn't interested in Iran. He is only interested in British position in the Middle East... This whole country will pass right over his head» (Aldridge, 1950:288).

Рассмотрим вторую ситуацию, которая центрирована концептом «свой», определяющая взаимоотношения Мак-Грегора с курдами. Его знания языка, истории, литературы, кухни, геологии края, умение слушать людей выдвигают именно Мак-Грегора на статусную первую роль в их английском отряде, оттесняя в глазах шейха племени Мукри «старого, не знающего язык, посла». Отметим эмоциональный позитив Мак-Грегора по отношению курдов: «MacGregor felt the paleness of their own English appearance and existence». Ситуации в Курдистане не просто снижают статус лорда Эссекса, уничтожают его профессионализм. Салим, шейх племени Мукри, резонно задается вопросом: «Why is it that they send an Ambassador here who does not speak Kurdish or Iranian?» (Aldridge, 1950:431). Как известно, незнание языка – первый маркер «чужого», тем более человека, наделенного такими полномочиями. Происходит интересная трансформация концептов «свой/чужой» в данной ситуации. Незнание языка есть «непроходимая «этническая

граница» между представителем Империи и восточным подданным. Писатель правомерно задается вопросом, какой вывод «по Азербайджанскому вопросу» может составить лорд Эссекс, ни с кем не разговаривая из национальных политиков.

Иная ситуация центрируется вокруг концепта «свой» по отношению курдов к Мак-Грегору. Расшифровывая концепт «свой», писатель рисует поведение Мак-Грегора за столом, его умение уместно пошутить, прилично вести себя в обществе семьи шейха, то есть влиться в курдскую бытовую культуру. Достаточным для курдов была цитата Муллы Ду Пиаза, остроумно приведенная Мак-Грегором за столом, чтобы признать его «своим», начать прислушиваться к его словам. Концепт «свой» и «чужой» в данной ситуации не нуждаются в прямой вербализации, гораздо важнее реакция на этих героев курдов. Высшая степень признания Мак-Грегора «своим» проходит несколько стадий. Считаем, что писателю необходимы два диалога Мак-Грегора с Салимом, чтобы определить его настоящий статус и понять цель путешествия англичан в такие не «туристические» места.

1. Имперская значимость англичан воспринимается шейхом однозначно: «All English in the Kurdish mountains are agents» (Aldridge, 1950:471).

2. Шейх Салим уверен в том, кто главный в английской миссии. Эссекс, не знающий языка, или Мак-Грегор, легко и свободно, с учетом всех коммуникативных восточных тонкостей, ведущий беседу с шейхом: «Ambassador is not important to us. «You»- said Salim- «are the important one»...» (Aldridge, 1950:470).

Писателю в данной ситуации важна реакция шейха на интонацию Мак-Грегора, его независимое поведение, правильную коммуникацию, затем определения некой близости происхождения (горцы) между Салимом и Мак-Грегором: «Scot ... Highlander», - все это подготавливает признание как «своего»: «I do not hesitate to call you brother and to offer you the friendship of the Mukri» (Aldridge, 1950:472). Салим как бы определяет векторную политику Мак-Грегора в Англии, как защитника «курдских интересов», именуя его «братом». Итак, в Иране и Курдистане – Мак-Грегора считают своим, поэтому подчеркивается это обстоятельство именно национально маркированной (семейной) близостью: доктор Ага называет его «сынок», Дауд – «брат, сынок», Салим- «брат». Дж. Олдридж подчеркивает ментальность восточных героев, для которых «свой» связан с родственниками внутри семьи. Даже об опасности именно Мак-Грегора предупреждает Гордиан: «Friend...Do you understand danger?» (Aldridge, 1950:471).

Таким образом, можно суммировать, что концептуальная оппозиция «чужой- свой» в романе Д.Олдриджа «Дипломат» многофункциональна: четко разделяет героев на два лагеря; имеет высокую степень полярности в различных ситуациях, способна к внутренней трансформации «чужой-враг», «свой- другой» и т.д.

Представленные семантические варианты понятия «чужой» позволяют рассматривать его в самом широком значении (идеологическом, политическом, статусном, национальном, пространственном), не всегда негативно и эмоционально неоднозначно с позиций разных героев.

Противоположное ему понятие «свой» подразумевает тот круг явлений окружающего Британского мира, который воспринимается эмоционально позитивно для Лорда Эссекса.

«Своим» обозначается только аристократический круг политического бомонда и «своей» политикой - политика имперской Британии.

Противопоставление Запада Востоку и непонимание чужой культуры в ситуации плена нелепо, преступно, поэтому происходит снижение профессионального статуса лорда Эссекса. В Курдистане как бы роли и статусы героев меняются, Мак-Грегор становится для курдов «своим- братом», что закрепляет этнический сегмент в концепте «свой». Статусным сегментом в концептуальном поле «свой» для Эссекса является «англичанин». Дж.Олдридж редко вербализует концепты, используя для определения их понятийной составляющей ключевые слова-репрезентанты “we”, “self”, “they”, “other”. «is a world of difference between MacGregor and us», «другой мир».

Библиография:

1. Алиева Т.В. Языковые средства реализации концептуальной оппозиции «свой- чужой» в британском политическом дискурсе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - М, 2013.- 28 с.
2. Васильева Т.В. Литературоведческий подход к изучению художественного концепта// Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 7(18) 2012- С.51-54.
3. Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. Монография. Волгоград,2001. -276 с.
4. Матвейчева Т.В. «Свое» и «чужое» как способ самоидентификации культуры// Филологические науки. Вопросы теории и практики. №8(50),2015. ч.1.-С.117-199.
5. Махмудова С. А. Репрезентация концептуальной оппозиции "свой/чужой" в романе Дж. Олдриджа "Горы и оружие" // Вестник ЧелГУ. 2022. №9 (467). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reprezentatsiya-kontseptualnoy-oppozitsii-svoy-chuzhoy-v-romane-dzh-oldridzha-gory-i-oruzhie> (дата обращения: 20.07.2023).
6. Николина Н.А. Филологический анализ текста. Учебное пособие.-М.: Издательский центр Академия. 2020.- 256 с.
7. Тарасова И.А. Поэтический идиостиль в когнитивном аспекте. Монография. -М.: Флинта, 2012-196с.
8. Юсупова Г. Р. Моделирование нарративных транспозиций в романе У. Фолкнера «The Sound and the Fury» // Вестник ЧелГУ. 2017. №3 (399). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modelirovanie-narrativnyh-transpozitsiy-v-romane-ufolknera-the-sound-and-the-fury> (дата обращения: 25.07.2022).
9. Aldridge J. Diplomat. — М.: Ed. foreign literature, 1952.